

Как только Хань Цинлэй — практик Эшелона с Восьмой Горы — обрёл просветление о ста эссенциях, из храма, расположенном в центре поля боя, где схлестнулись миллионы солдат, вырвался яркий луч света. Его появление сопровождалось цветными вспышками и образами гор и статуй в небе. В этот раз обрушилась другая статуя, после чего на её месте выросло каменное изваяние Хань Цинлэя.

«Хань Цинлэй из Восьмой Державы побил прошлый рекорд по постижению ста эссенций, посему будет благословлён потоком ци!»

После объявления, сделанного древним голосом, из пагоды Восьмой Державы ударил алый свет. Он превысил высоту в триста метров, добравшись до отметки четыреста пятьдесят метров. В то же время поток ци Восьмой Державы резко увеличился, что подняло защиту ауры державы до пугающего уровня. Когда Хань Цинлэй стал вторым человеком, сотрясшим мир Сущности Ветра, практики из других государств поражённо посмотрели в направлении, где лежала Восьмая Держава.

Тем временем в центральном регионе алый свет пагоды Девятой Державы постепенно слабел. Общая сила этого государства и защита горы Белой Печати уменьшались вместе с ним. Скорость обретения просветления Мэн Хао тоже упала. Однако он не мог прервать этот процесс раньше времени, чтобы как-то исправить ситуацию. Он находился на девяносто восьмой эссенции, вот только просветление шло очень медленно. Всё это время ему приходилось держаться настороже, опасаясь влияния мира Сущности Ветра, которое разжигало в его сердце желания и пыталось совратить с истинного пути.

С угасанием потока ци Девятой Державы влияние мира Сущности Ветра усилилось. Фань Дун'эр и остальные тоже это почувствовали. Куда сильнее они почувствовали усиление скрытых желаний их сердец. Те, кто не могли понять причин происходящего, постепенно будут всё больше терять рассудок и самих себя. Но те, кто поняли, были вне себя от страха. Особенно Фань Дун'эр, скрывающаяся в своей пещере бессмертного. Из её рта брызнула кровь, а на лице проступила паника. Она стала первой в группе, кто почувствовал кардинальные изменения в своих желаниях. В попытке вернуть себе контроль она отправилась медитировать в уединении. Вот только эта медитация принесла совершенно противоположные результаты: она оказалась на грани потери контроля. Что до Бэй Юй, она сидела в центре цветочного поля в каком-то трансе. Судя по всему, её тело находилось в процессе слияния с этим морем цветов, как будто девушка превращалась в большой цветочный бутон!

Тем временем по небу Восьмой Державы на огромной скорости летел яркий луч света, несущий в себе множество костей. За сутки он достиг границы между восьмым и девятым государством. Без каких-либо колебаний Хань Цинлэй пересёк границу и, хохоча, словно безумец, полетел вглубь Девятой Державы. Его чёрный халат мешком висел на его костлявом теле, но это компенсировалось чудовищной кровожадной аурой.

Как только он вошёл на территорию Девятой Державы, гора Белой Печати задрожала. А потом резко выросло защитное давление во всём государстве. К сожалению, такое давление

оказалось Хань Цинлэю нипочём. С диким хохотом он летел над землями чужого государства в окружении бесчисленного множества иллюзорных костей. От этих костей в воздухе в потускневшем небе стоял жутковатый свист. Над Девятой Державой сгустились чёрные тучи, скрыв в тени все земли внизу.

Хань Цинлэй, словно кровожадная буря, мчался в направлении Мэн Хао. Где бы он ни пролетал, дрожала земля, содрогалось всё живое Девятой Державы. В глазах практиков и простых людей ясный и солнечный день сменился темнотой, как будто внезапно опустилась ночь.

— Мэн Хао, ты покойник! — кричал Хань Цинлэй, постепенно ускоряясь.

Подобно разряду молнии он быстро приближался к горе Белой Печати. По мере его приближения аура Девятой Державы всё больше рассеивалась, а давление, наоборот, становилось сильнее. Утерев внезапно брызнувшую изо рта кровь, Фань Дун'эр посмотрел куда-то вдаль.

"Что происходит? В чём причина такого резкого и быстрого усиления на меня влияния?!"

Она стиснула зубы и вылетела из своей пещеры бессмертного. Девушка поменялась в лице при виде клубящихся вдалеке чёрных туч. Среди этой бурлящей черноты скрывались побелевшие кости, которые летели в направлении средоточия ауры державы — горы Белой Печати!

Не одну Фань Дун'эр удивило происходящее. На лице Бэй Юй в центре цветочного поля отразилась внутренняя борьба. Она с силой разлепила глаза и, вздрогнув, огляделась, после чего её борьба с самой собой возобновилась с новой силой.

Карьер бессмертных нефритов в другой части страны огласил безумный смех. В смехе молодого практика из мира Бога Девяти Морей слышалось упоение, похоже, он окончательно потерял своё истинное я. Куда бы он ни посмотрел, перед его глазами стояли только бессмертные нефриты.

— Такие несметные богатства сделают меня намного сильнее!

Что до мускулистого практика и двух других демонических практиков: всех их захватила внутренняя дрожь, когда на них нахлынула волна желаний невероятной силы.

Кого Небеса хотят погубить, того сначала лишают разума![1]

За время горения одной благовонной палочки чёрные тучи продвинулись с границы Девятой Державы до горы Белой Печати. Тучи стали своего рода плотью, когда как кости стали скелетом. Вся эта клокочущая масса превратилась в огромный чёрный кулак шириной в триста метров. Когда кулак обрушился на гору Белой Печати, воздух прорезал вой:

— Пришла пора умирать, Мэн Хао! — в злобном голосе слышалась жуткая жажда убийства.

Всё вокруг задрожало, когда кулак устремился к вершине горы, где перед статуей всё ещё сидел Мэн Хао. К этому моменту Мэн Хао только обрёл просветление относительно девяносто девяти эссенции и был очень близок к завершению первой стадии. Для этого ему требовалось постичь ещё одну эссенцию, вот только с гаснущей аурой Девятой Державы процесс просветления был как никогда труден и шёл очень медленно.

В ответ на угрозу приближающегося с рокотом кулака статуя на вершине горы Белой Печати внезапно засияла ярким светом, накрыв гору и Мэн Хао защитным барьером. Грохот от столкновения гигантского чёрного кулака и барьера прогремел на много километров окрест. Небо поменялось в цвете, земля задрожала. Барьер зарычал, а потом с треском на нём образовалась огромная трещина. Она быстро затянулась, но, если судить по скорости её закрытия, становилось очевидно, что этот барьер долго не протянет. Кулак же разбился на множество фрагментов, всё-таки он состоял из туч и костей. Появился Хань Цинлэй и без промедления налетел на барьер, словно чёрная молния.

— Открывайся! — проревел он.

Несмотря на худобу, от него поднималась внушающая страх энергия. Его культивация находилась на царстве Бессмертия, но ей он мог потрясти практиков на царстве Древности! Его невероятная сила породила множество молний в небе. Удивительно, но они быстро соединились в девять сотканных из молний драконов.

Гора Белой Печати закачалась, но Мэн Хао не сошёл с места и не открыл глаз. Он не мог остановить процесс просветления до его завершения, поэтому сосредоточил все свои ментальные силы на том, чтобы как можно скорее постичь последнюю эссенцию.

— Сдавайся! — взревел Хань Цинлэй. — Сегодня ты умрёшь, и печать мира Девятой Державы станет моей! Я также сотру твоё право состоять в Эшелоне! Я, Хань Цинлэй, первым постиг сто эссенций! Я могу убить любого, но главной причиной, почему я выбрал именно тебя, твоя фамилия Мэн! После смерти не забудь поведать своим предкам, что тебя убил человек по имени Цинлэй из клана Хань!

В этот момент в воздухе внезапно появилась Фань Дун'эр. Её глаза сверкали недобрым светом. Взмахом руки она заставила появиться множество отпечатков магических предметов на её теле. Они быстро увеличились в размерах, отчего сотни магических символов выросли до размеров небольшой горы. Это было поистине впечатляющим зрелищем.

Фань Дун'эр не могла не прийти. Если она позволит неизвестному практику атаковать гору Белой Печати и забрать печать мира, то без ауры державы она больше не сможет противостоять влиянию мира Сущности Ветра. В процессе просветления Мэн Хао наступил переломный момент, поэтому он не мог ответить на эту агрессию, не оставив ей ничего другого, кроме как вмешаться... ради её собственного блага.

"Мне просто надо выиграть Мэн Хао достаточно времени. Этот парень из Эшелон явно силён, но Мэн Хао тоже не лыком шит!"

Стиснув зубы, Фань Дун'эр сократила дистанцию между ней и Хань Цинлэем и атаковала его. Глаза Хань Цинлэя сверкнули при виде девушки, а губы изогнулись в ухмылке.

— Много о себе мнишь, девочка, — прогремел его голос. — Думаю, тебе надо преподать урок и показать, почему люди вроде тебя... не имеют права сражаться с Эшелоном!

Взмахом указательного пальца он послал в Фань Дун'эр четырёх драконов, сотканных из молний. В этот момент с другой стороны послышался свист. Бэй Юй покинула цветочное поле и на огромной скорости приближалась к месту событий. Один её глаз был затянута пеленой растерянности, другой — кристально чист. Прежде чем она оказалась достаточно близко, девушка использовала невидимую силу божественного сознания для сотворения иглы, которую она послала в Хань Цинлэя. Костлявый мужчина поменялся в лице и взмахом другой руки отправил в бой ещё четырёх драконов. Пятый был взорван, чтобы противостоять силе божественного сознания Бэй Юй.

— Как любопытно. Две красотки решили объединиться против меня. Тяжело это говорить, но мне жутко хочется распотрошить вас и явить вашу истинную красоту — белоснежные кости. Прекрасней зрелища не придумать!

Хань Цинлэй кровожадно посмотрел на девушек и хищно оскалился. Во вспышке света... он разложился на трёх человек! Один являлся истинной формой, а двое других — клонами!

Все трое одновременно жадно облизали губы. Потом один атаковал барьер, а двое других занялись Фань Дун'эр и Бэй Юй. Когда загрохотали первые взрывы, на лице обеих девушек проступило неверие. Несмотря на то, что они сражались лишь с клонами Хань Цинлэя, им казалось, будто их противник... был намного сильнее их самих!

"Неужто все в Эшелоне настолько сильны?.. — мелькнула у Фань Дун'эр мысль. Задрожав, она посмотрел туда, где в позе лотоса медитировал Мэн Хао. — Мэн Хао, ну, скорее!"

[1] Слова неизвестного древнегреческого драматурга-трагика эпохи Софокла, которые часто встречаются в виде цитаты у древних авторов: «Когда божество готовит человеку несчастье, то прежде всего отнимает у него ум, которым он рассуждает». Это крылатое выражение служит напоминанием о том, что суровее всего человек наказывает себя сам, когда совершает неразумные поступки, упорствует в своих ошибках и заблуждениях. — Прим. пер.